

А. И. КУЗЬМИН

ВОЕННАЯ ТЕМА В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Военные тревоги, которыми был так богат XVIII век и время Петра I в особенности, не только отразились в литературе, но и изменили ее характер, привели к появлению новых жанров. Правительство Петра I было заинтересовано в разъяснении причин Северной войны и использовало для этого все возможности, в том числе печатное слово. Русскому народу нужно было объяснить причины и цели войны, вдохнуть в него уверенность в победе, помочь найти для нее наиболее эффективные средства. Были и другие, внешние причины печатного объяснения целей войны, осуществлявшегося газетой «Ведомости»: шведское правительство издавало специальные манифесты и реляции, оправдывавшие политику Карла XII и обвинявшие в агрессии Петра I и его союзников.

16 декабря 1702 г. Петр приказал «по ведомостям о воинских и всяких делах, которые подлежат для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты, а для печатных курантов, ведомости в которых приказах о чем ныне какие есть и впредь будут, присылать из тех приказов в монастырский приказ, без мотчания, а из монастырского приказа те ведомости отсылать на печатный двор». Как мы видим, главной причиной для издания газеты Петр I считал «воинские дела». 27 декабря 1702 г. был издан «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду, под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26-го числа в 1702 году». 2 января 1703 г. вышла газета. В виде особых прибавлений к ней печатались сообщения о победах, одержанных русскими войсками, о трофеях и пленных, о триумфальных праздниках по поводу этих побед. Читателей убеждали в том, что в России имеются все возможности для одержания победы.¹ Петр I

¹ Правительство внимательно следило за тем, чтобы в газету не попали сообщения о поражениях и неудачах русской армии, чтобы не разглашались

лично руководил составлением «Ведомостей», правил корректуру, указывал, что нужно перевести из голландских газет. Авторы газетных сообщений воздействовали на читателей не только прямыми призывами, но и косвенно, предоставляя определенные факты и давая возможность самим делать выводы. Газета с ее яркой публицистической направленностью приучала читателя к новому языку, новым темам, отчасти новым художественным приемам. Она как бы подготавливала русских людей к восприятию произведений новой литературы, которая начала пробиваться и расти, преодолевая старые формы и жанры. Но военная тема не нашла в литературе художественного воплощения. «Ведомости» ограничивались короткой информацией, основанной на фактах и документах.

Задачам пропаганды правительственной политики были подчинены и материалы, публикуемые в календаре петровского времени. Так, в «Прогностике о войне и мирских делах» (на март 1725 г.) в силлабических стихах перефразировались библейские пожелания мира.² Наибольшее значение имели печатные реляции о сражениях, которые вела русская армия. В них сообщалось о действиях войск, о причинах того или иного сражения, о численности боевых отрядов и армий, о ходе боя, о трофеях, пленных и о потерях. Реляции ставили перед собой задачу не только информации с театра военных действий, но и воспитания военных и гражданских доблестей. Учили не поддаваться ни унынию, ни чрезмерной горячности в борьбе. Так, в «Доношении о случившемся бою в Курляндии в шести милях от Нитавы при мызе называемой Муроме июля 1705 (15) день» рассказывалось о некоем полковнике Игнатеве, который без разрешения фельдмаршала погнался за шведами, встретился с их прикрытием, был отброшен, «полк его в конфузию приведен: и пехоту нашу тем посмял». Русские в этом сражении вынуждены были отступить («принуждены мы уже в руках своих имеюще победу оставить...»). Однако в основном в реляциях обстоятельно описывались победы, рассказывалось о тех событиях, где русским удалось проявить военную хитрость и смекалку. Так, в сообщении об осаде крепости Ниеншанц рассказано, как не знавшие о капитуляции крепости шведские фрегаты вошли в устье Невы и стали на якорь; под покровом ночи, воспользовавшись тем, что небо было заволочено туманами, к ним подошел десант русских солдат и в абордажном

сведения, которые могли быть использованы врагом, см.: В. Погорелов. Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702—1727 гг. М., 1903, стр. 13.

² «Боже, храни от войны, пожару и мору
Соблюдай покой, и даждь добротну пору»

или

«В войне много бед: и кто победить жаждет,
Тот часто сам побежден на низ упадет...»

(История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 37).

бою захватил эти фрегаты. В реляции о взятии города Юрьева рассказывалось о том, как русские захватили в бою шведские пушки и, поворотив их, начали стрелять по шведам. Широко известен использованный А. Толстым в романе «Петр I» эпизод о том, как при осаде Нарвы русские войска, переодевшись в шведскую военную форму, обманули коменданта крепости генерала Горна. Горн со стен крепости увидел войска в синих мундирах, решил, что к нему идет подкрепление, вывел навстречу свой отряд и был разбит.³ Реляции содержали правдивую информацию и о трудностях, которые встречали воюющие стороны. Как и всякое военное испытание, Северная война сопровождалась многими лишениями и в их числе голодом и болезнями. Петр I не боялся сообщить, что от недостатка продовольствия и эпидемий страдали не только шведы, но и русские. В «Обстоятельной реляции о взятии крепости Выборга... в 1710 году» рассказывалось о том, что русская армия страдала от болезней и недостатка продовольствия. Голод был таким сильным, что войска готовы были «есть мертвых лошадей и потом конечно отступить назад». Реляции отразили и такую присущую лично Петру I черту, как уважение сильного противника. В отличие от шведов Петр I и его единомышленники никогда не относились к врагу высокомерно.⁴ Это отразилось в официальных документах; ни в одной из реляций мы не найдем по адресу шведов обидных или оскорбительных слов. В «Юрнала» о взятии Нарвы русскими войсками сказано, что комендант шведского гарнизона генерал Горн на предложение сдаться ответил отказом, «при том наносил некоторые слова хуления». Шведская армия Карла XII, к моменту Полтавской битвы одержавшая более шестидесяти побед, не давала повода относиться к ней неуважительно. Петр I хотел внушить своим помощникам и всему народу, что Россия ведет борьбу с опытным, умным и смелым врагом, силу которого ни в коем случае нельзя недооценивать. Реляции представляют нам шведов как верных своему воинскому долгу солдат. В «Юрнала о взятии крепости Новых Канец в 1703 году, апреля в 23 день» (на месте этой крепости суждено было возникнуть новой столице) рассказано, что шведы были осаждены, им было предложено сдаться в плен, но они отказались, ответив, что «крепость вручена им королем для обороны и они будут ее обо-

³ А. Толстой. Петр I. Полное собрание сочинений, т. 9. М., 1946, стр. 698—702.

⁴ Иначе вели себя шведы. Анонимный автор писал в корреспонденции, опубликованной в 1709 г. в Саксонии: «Высокомерие шведов в Саксонии не имело границ. Я часто вспоминаю о том, как при разговоре с московитами шведы, которые тогда не встречали в Польше никакого сопротивления, говорили, что мышам живется вольно, когда кошки нет дома. Стоит только шведам вернуться — московиты побегут, как под Нарвой, и запрячутся в свои мышинные норы» (А. В. Предтеченский. Полтавский бой в освещении современников-иностранных. — Ученые записки гос. пед. инст. им. Потемкина. М., 1940, т. V, стр. 60).

ронять». Петр I и его генералы высоко ценили верность долгу и мужество своих противников. В реляции о взятии Юрьева говорилось о том, что пленным шведам «ради мужественного их сопротивления и позволено офицерам шпаги и третьей доли солдатам ружья». Были случаи, когда Петр I наиболее храбрых солдат и офицеров «благохотным своим милосердием на свободу пустил».⁵ Новейшие исследования подтвердили правильность высокой оценки Петром боеспособности шведской армии.⁶ Известно, что Карл XII в свою очередь с уважением относился к Петру I как к «самому честному из своих противников».⁷

Петр I с большим вниманием следил за тем, как составлялись реляции: в одни реляции он вносил поправки и добавления, другие составлял сам. Так была написана реляция о битве при Лесной 28 сентября 1708 г., когда был разбит шведский корпус генерала Левенгаупта, сопровождавший громадный обоз с боеприпасами, продовольствием, амуницией и деньгами. Этот обоз шел к главным силам шведской армии. Первая реляция, написанная на месте сражения 29 сентября 1708 г., представляла краткое сообщение Петра I Ф. Ю. Ромодановскому. 26 октября 1708 г. Петр I написал об этом событии обширное сообщение: «Объявление баталии меж его царским величеством российским и шведским генералом графом Левенгоптом, при Лесной от Пропойска в двух милях сентября в 28 день 1708 году». Сражение описано конкретно, деловито рассказано, как русская армия настигла шведов у деревни Долгие мхи, как началась артиллерийская дуэль. На следующее утро, когда форсировали реку, нашли шведов, построившихся для боя у деревни Лесной. Произошла перегруппировка войск, атака; сражение было кровопролитным («превеликий, жестокий был бой что и пехота палашами рубилась»). Вся реляция подклеивалась к плану сражения и, вероятно, предназначалась как урок тактики для будущей истории. Часть «Объявления баталии» была опубликована на голландском языке с параллельным текстом «библейскою азбукой». Петр I, любивший афористические выражения, назвал эту победу «матерью» Полтавского сражения.

После Полтавской битвы, решившей, как известно, исход всей войны, когда была уничтожена главная шведская армия, он написал Ф. М. Апраксину с поля боя: «Ныне уже совершенной камень во основание Санкт-Петербургу положен». В этот же день Петр I отправил письмо к царевичу Алексею («о зело превеликой и нечаемой виктории, которую господь бог нам через неписуемую храбрость наших солдат даровати изволил с малой войск наших

⁵ См., например: В. Погорелов. Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702—1727 гг., стр. 1—2.

⁶ См., например: А. С. Кан, Р. М. Хеттон. Карл XII — король Швеции. — Вопросы истории, 1970, № 8, стр. 180.

⁷ Там же, стр. 181.

кровию»). 2 июля 1709 г. это письмо было опубликовано в «Ведомостях». Его особенности дают нам представление о литературных достоинствах реляций, поэтому мы приведем из него отрывок: «Сего дня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею атаковал, которая хотя зело по достоинству держалась, однако принуждена была уступить, токмож с великим убытком неприятелю. Потом неприятель стал во фронт против нашего лагару, против которого тотчас всю пехоту из стражементы вывели и перед очи неприятелю поставили. А конница на обоих фланках. Что неприятель увидя, тотчас пошел атаковать нас. Против которого наши встречу пошли, и так оного встретили, что тот час с поля сбили, знамен и пушек множество взяли. . . И единым словом сказать вся неприятельская армия Фаетонов конец восприяла. А о короле еще не можем ведать, с нами ли или со отцы нашими обретается».

В «Объяснительной» реляции о «главной баталии меж войск его царского величества российскийского и королевского величества Свейского, учинившейся неподалеку от Полтавы. Сего иуния в 27 день 1709 года» рассказано о том, как русская армия форсировала Ворсклу и пошла на сближение с противником. «Однакож оной по своей обыкновенной запальчивой отваге, в том нас упредил. . . почитай при бывшей еще темноте. . . на нашу кавалерию, как конницею, так и пехотою своею с такой Фуриєю напал». Рассказано, что сражение было коротким, но кровопролитным: «. . . хотя и зело жестоко во огне оба войска бились, однакож далее двух часов не продолжалось, ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали». Заметим, что в Европе были убеждены в успехе шведов и в печати публиковались сообщения о том, что победили шведы.⁸ 8 июля Петр I написал обстоятельную реляцию о победе у Переволочной, где была взята в плен отступившая с Полтавского поля шведская армия во главе с генералом Левенгауптом. Мы видим, что в реляции — письме царевичу Алексею, написанном 27 иуния, сравнив разгром шведской армии с гибелью мифи-

⁸ Например, в опубликованной в Германии в 1709 г. книжке «Песня об ожесточенной и кровавой битве между шведами и московитами» сообщалось, что «русское войско, по соизволению божьему, совершенно разбито и рассеяно. . . Шведское львиное войско храбро шло в атаку с холодным оружием и ружьями. Русским была задана хорошая трепка, а шведам осталась слава. Шведская конница затем ринулась по пятам вслед за русскими и сражалась рыцарски, как полагается героям, — славно и верно. И начался же танец, когда смелые шведы взяли штурмом их редут! Враги еле-еле успели скрыться за своими повозками. . . Достойный Левенгаупт покрыл себя великой славой, ибо он имел счастье в пятидневном бою 4000 всадников и пехотинцев лишить жизни. Много драгоценных вещей, много повозок и припасов, много серебра, золота и денег взяло львиное шведское войско. Шведов в тот раз было 40 000 всего только, врагов же было добрых 60 000, а многие тысячи в крови захлебнулись тогда. . . Боже, пошли здоровья и удачи славному королю» (А. В. Предтеченский. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев, стр. 60).

ческого юноши Фаэтона, Петр I использовал художественный образ. Этим он намекнул на молодость шведского короля (Карлу XII было тогда 26 лет), на то, что его армия выбрала гибельный путь (вместо похода на Москву шведы, введенные в заблуждение гетманом Мазепой, направились на Украину), на лишения, которые испытывали они во время похода (потеряв обоз при Лесной, шведы терпели жестокий недостаток продовольствия и боеприпасов). Перед нами один из первых случаев использования антономазии в литературе XVIII в. Напомним, что широкое использование ссылок на героев античной мифологии и истории получило распространение в более позднее время и продолжалось вплоть до пушкинской поры. Необычность содержания требовала необычного, возвышенного. Имя Фаэтон навсегда связалось с представлением о смелом, горячем, но опрометчивом юноше. Петр I удачно использовал этот образ, выразив им больше, чем это можно было, пользуясь обычными средствами.

При описании сражений авторы реляций прибегали к иронии.⁹ Так, в одной из реляций сообщалось, что комендант шведской крепости Нотебург благодарил русских «за милостивое объявление» осадить его гарнизон, на что «соответствовано ему на сей комплимент пушечною пальбою и бомбами со всех наших батарей разом». Когда Нотебург был охвачен пожарами и жители его голодали, комендант обратился к русскому командованию с просьбой выпустить из города офицерских жен, которые претерпевают «великие беспокойства от огня и дыму», Петр I ответил на это, что русские пришли не для того, чтобы разлучать семьи, и если жены шведских офицеров желают покинуть крепость, то могут и «любезных супружников с собой вывести купно». Написанные по горячим следам военных событий, реляции представляли увиденное глазами современников, были очень актуальны и оперативны. Публицистическая острота, наглядность, то новое и передовое, что они пропагандировали, имело большое патриотическое и воспитательное значение. Замечательно, что в отличие от произведений других жанров этого времени в реляциях прославлялся не царь и его полководцы, а вся армия и в конечном итоге вся Россия. По своему характеру реляции не только знакомили с ходом войны, но и представляли художественный очерк, который развился в более позднее время. В 1711—1712 гг. реляции, ведомости и военные журналы были собраны, литературно обработаны и изданы под названием «Книга Марсова».

Объяснение причин войны и задач, стоящих перед Русским государством, осуществлялось и в других формах литературного творчества. Большую роль сыграли «слова» и «речи» церковных проповедников. Пользуясь приемами ораторского искусства, про-

⁹ Подробнее см.: А. И. Кузьмин. Реляции Северной войны как памятник литературы. — ИЮЛЯ, 1967, т. XXVI, вып. 1.

поведники воздействовали не только на разум, но и на чувства слушателей. Наиболее знаменитые проповедники петровского времени были воспитанниками Киево-Могилянской академии. Феофан Прокопович преподавал в Академии пиитику и риторiku. В Киеве учились и такие известные иерархи церкви, как Гавриил Бужинский, Стефан Яворский, Феофилакт Лопатинский. Все эти проповедники обратили на себя внимание проповедями, прочитанными по поводу событий, связанных с войной: Феофан — речью на Полтавскую победу («Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками швейскими победе»), Стефан — проповедью на погребении воеводы Шеина, Гавриил — проповедями, посвященными военным победам, Феофилакт описал торжественную встречу Петра I после Полтавской победы («Политиколепная апотеозис»). Вызванные Петром I в Петербург, они выступали как проповедники-публицисты, прославляли политику царя-реформатора и критиковали его противников. Проповеди Феофана Прокоповича были не только построены по законам ораторского искусства, но отличались простотой стиля и глубиной содержания.¹⁰ Вслед за официальными правительственными толкованиями (записка Ф. С. Салтыкова «Изъявления прибыточные государству», П. Шафирова «Рассуждения, какие законные причины е. ц. в. Петр I... к начатию войны против короля Карла 12 имел») Прокопович объяснял причины Северной войны агрессией шведов, захвативших у русских Ингрию и Корелею.¹¹ Это же мнение высказывали в своих проповедях Стефан Яворский, Гавриил Бужинский¹² и другие проповедники. Шведы были представлены в этих проповедях как наглый, самоуверенный, презирающий своих соседей народ. Русских шведы считали неумеющими обороняться, неспособными противостоять их удару («народ наш, яко немощный и грубый презирали», 51). Подобная точка зрения на непобедимость Карла XII и его солдат, как мы уже отмечали, была распространена в Европе.¹³ Феофан говорил о насилии и грабежах, которые чинили шведы в России, в Саксонии, Польше, Курляндии, Силезии. «Кий град и кий дом избеже опасной и многоочной его ненасытности?» (25) — восклицал он и предупреждал своих слушателей о том, что шведское государство — серьезный противник и победить его можно только в результате напряжения всех сил народа, длительного и упорного учения воинскому

¹⁰ См.: А. И. Кузьмин. Северная война в проповедях Феофана Прокоповича. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969.

¹¹ Феофан Прокопович. Сочинения. М.—Л., 1961. (Далее ссылки на это издание даются в тексте).

¹² Проповеди Гавриила Бужинского. — Ученые записки Юрьевского унив., 1900, № 4, стр. 464.

¹³ Об этом писали многие. «Везде, где только находились шведы, везде были уверены в победе, когда их было двадцать человек на сто» (Ф. Вольте р. История Карла XII. Орел, 1820, ч. II, стр. 33).

искусству. Отмечая успехи шведов в области наук, военного дела и промышленности, Феофан указывал на их единодушие, на преданность Карлу XII («что всего есть больше, вси равно и по государе и по отечестве своем ревнующи», 115). Вероятно, это адресовалось к противникам Петра I внутри России, группировавшимся вокруг старинных боярских фамилий и царевича Алексея. Эта оппозиция, как известно, противодействовала политике Петра I и мешала вести победоносную войну. Феофан не жалел сил для разъяснения и пропаганды петровских нововведений, необходимых для победы: он ратовал за создание армии и флота, за строительство военных заводов и крепостей, за печатание книг, за учреждение школ. Старое стрелецкое войско из защитника отечества превратилось в «некую гангрену», его необходимо было заменить «регулярным воинством», «страшной артиллерией». Особенно красноречивыми были проповеди, посвященные разъяснению необходимости создания военно-морского флота. «Мы точно вкратце рассудим, как собственно российскому государству нужный и полезный есть морской флот, — говорил Феофан в «Слове похвальном», посвященном морской победе у острова Гренгам, — понеже не к единому морю прилежит пределами своими сия монархия, то как не бесчестно ей не иметь флота? Не сыщем ни единой в свете деревни, которая над рекою или озером положена и не имела бы лодок. А толь славной и сильной монархии, полуденная и полуношная моря обдержажшей, не иметь бы кораблей, хотя бы ни единой к тому не было нужды, однако было бы то бесчестно и укорительно» (107). Феофан принимал войну как неизбежное зло, она напоминала ему болезнь, и лечить эту болезнь нужно разумно и решительно; воевать на территории противника и, одержав победу, не успокаиваться на достигнутом: «...не меньшая бо слава есть удержати завоеванное, нежели завоевать — давняя есть пословица» (108).

Ревностными пропагандистами петровских побед были Гавриил Бужинский (обер-иеромонах флота, затем архимандрит) и известный иерарх Стефан Яворский. Не всегда разделяя политику Петра I, эти церковные деятели часто сходились в оценке как войны в целом, так и отдельных ее событий. Проповеди этих ораторов строились по устаревшим схоластическим канонам, были оторваны от жизни, отвлеченны, насыщены символами, аллегориями, игрой слов и, вероятно, малопонятны большинству слушателей. Так, по поводу Полтавской победы Стефан Яворский произнес три проповеди, все они не содержали никаких конкретных сведений и могли быть отнесены к любой победе, одержанной над противником-иноверцем. Первая проповедь «Рука Христова, Петру Российскому простираемая, похвальным словом всенародне явленна 1709, июля 24» состояла из схоластических рассуждений о значении каждого пальца руки. Вторая — «Камень идола Навходоносорова сокрушивший, то есть Петр Первый, царь всероссий-

ский, шведского короля с воинством под Полтавой преславно победивший» — развивала аллегорическое сравнение одного из библейских текстов на слово «камень» (т. е. Петр). Шведская армия сравнивалась в ней с «идолом Навходоносором (голова идола олицетворяла короля, руки и мышцы — шведских министров, «чрево медяно» — фельдмаршалов, генералов и офицеров, ноги железные — пехоту). Третья проповедь «Слово о победе под Полтавой» вся состояла из аллегорических сравнений.¹⁴ Карл XII сравнивался с библейским Голиафом, Навуходоносором, апокалиптическим зверем; Петр I — с орлом, библейскими Самсоном и Давидом. Нет нужды останавливаться подробно на проповедях этих проповедников.¹⁵ Говоря об исторических событиях, они искали в них «божественную волю», скрытый сокровенный смысл, вечную неизменную сущность. Проводилась характерная для Ветхого завета Библии мысль о борьбе богоизбранного народа с нечестивыми племенами. В качестве такого богоизбранного народа выступали русские. Однако проповедники убеждали, что победу одержал не русский народ и даже не Петр I, как это проповедовал Феофан, а Христос. Шведы стали врагами не потому, что захватили русские земли, а потому что они по сущности своей «нечестивые», «гордые», «яряшася и хваляшеся церковь святую поглотити». Подобные объяснения не удовлетворяли Петра I и его сподвижников. Когда в 1709 г. Феофилакт Лопатинский составил текст богослужения и успехи, одержанные на полтавском поле, объяснил в соответствии с этой традицией: «Враг наш и посмеятель силы креста низложишася, мы же победители явимехся», — Петр I приказал «песнь всю переменить». «Война не о вере, но о мере, — писал он, — також и у них крест есть. . . в употреблении и почитании».

Военная тема нашла отражение и в театральных представлениях начала XVIII в. 16 января 1703 г. в Москве силами учеников Славяно-греко-латинской академии по случаю взятия крепости Орешек была поставлена пьеса «Торжество мира преславного», авторы ее переделали ранее шедшую на этой сцене пьесу «Царство мира идолослужением прежде разоренное и проповедию апостола Петра паки восстановленное». Пьеса эта находилась в русле церковной традиции. Войну между Россией и Швецией она представляла как аллегорическую борьбу Православия и Благо-

¹⁴ Подобно знаменитой проповеди митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати», проповедь Яворского начиналась с рассказа о том, что тяжелое время — зима сменилась благоприятным летом, — бог ниспослал свою милость в победе: «. . . лютый оный зверь, король шведский, рыскаше и зняше устами свонми, хотя поглотити Россию, но храбрый Самсон, наш государь царь, заградил есть уста тому льву, паче же растерза льва шведского» (Филологические записки. Воронеж, 1894, вып. I, стр. 3—4).

¹⁵ О проповеди Стефана Яворского подробно см. в кн.: Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. V. М., 1880, стр. 360.

честия с Зловерием и Злочестием. Российский Марс олицетворял Православие, шведские лев и змея — Зловерие. В 1704 г. по случаю успешных действий русской армии на севере в Академии было «изображено» триумфальное «действие» «Ревность православия». Подобно тому как это делалось в церковных проповедях Стефана Яворского, Гавриила Бужинского и других, в пьесе проводилась параллель между военными победами Петра I и библейского пророка Иисуса Навина. В 1705 г. была поставлена пьеса «Свобождение Ливонии и Ингерманландии». ¹⁶ Полтавская победа и измена Мазепы изображались в пьесе «Божие уничижение гордых уничижение» (1710).

Торжественное вступление победоносных войск в столицу, праздники по поводу одержанной победы породили особый жанр «панегирических», или «приветственных», кантов. Они представляли собой стихи, прославляющие победы русского оружия. Исполнялись канты на улицах и площадях Москвы и Петербурга, на открытом воздухе, в виду большого скопления народа во время торжественных шествий. Канты восхваляли Петра и его полководцев, поносили врагов. В панегирической песне полтавского цикла «Развеселися, Россия, правоверная страна!» шведский король назван «тираном», «злым львом», «который от стекольностей, рыкаче изыде || И различных земель грады пожере, где не прииде». ¹⁷ В песне «Царю Росиски воине преславне» говорилось о желании Карла XII «вконец» победить Петра и «похитить» его города. В панегирическом канте «Днесь Орле российский, прости своя крыле» повествовалось о похвальбе шведского короля разорить Россию. ¹⁸

Северная война отразилась в поэтических произведениях петровской эпохи. Единственным напечатанным стихотворением Феофана была победная песнь в честь Полтавской победы «Эпиникион». Феофан нарисовал впечатляющую картину битвы, сравнив ее с грозой на море. Произведение исполнено гордости за молодую русскую армию. В отличие от современных ему поэтов Феофан характеризует Петра I как национального героя. Феофан писал о том, что враги русского государства уже не дерзнут напасть, а станут искать дружбы. Полтавскую победу будут воспевать потомки: моряк, — когда он будет плыть по морю, усталый путник-старец. Внуки будут завидовать дедам — свидетелям этого события (213). Позднее этот мотив развил Пушкин в оде «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году».

¹⁶ См.: Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов, т. II. СПб., 1874.

¹⁷ Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 349.

¹⁸ Недооценка могущества русской армии отмечалась во многих памятниках той поры, см.: Битва под Полтавой 17 июня 1709 г. и ее памятники. Полтава, 1909, Приложение, стр. XIX—XXVIII.

На воспоминаниях старого солдата построил сюжет своего стихотворения «Бородино» Лермонтов.

Феофан и от других поэтов требовал национально значимой тематики. Историческое событие приобретает эпическое величие вневременного и может стать предметом изображения высоких жанров, если вспоминается потомками и становится для них предметом подражания. «Эпиникион» написан торжественным стилем с использованием риторических фигур и мифологических образов, в нем чувствуется влияние школьной поэзии XVII в. Но в то же время это произведение новое как по задачам, так и по поэтическим формам. В «Эпиникионе» нашли место и призывы к миру. «Полно ратовать, меч в ножны влагайте, || Что пользы в войне? Война разоряет, || Война убожит, а мир обогащает». Позднее эти настроения нашли развитие у Ломоносова, Державина и других поэтов.

В литературоведении уже высказывались суждения о том, что в поэтических образах «Эпиникиона» прослеживается влияние древнерусской воинской повести.¹⁹ Особенно сильно это сказалось в изображении артиллерийского боя. Одно из стихотворений Феофана Прокоповича было посвящено описанию сражения с турками при реке Прут. Первые строфы этого произведения отличались звуковой выразительностью, получившей широкое распространение в поэзии более позднего времени, в частности в стихотворениях Г. Р. Державина: «За Могилою Рябою, || Над рекою Прутовою, || Было войско в страшном бою. || В день недельный от полудни || Стался час нам вельми трудный, || Пришел турчин многолюдный» (214—215). Здесь явно ощущается маршевый ритм, силлабический стих воспринимается как четырехстопный хорей. Накопление однородных географических определений («За Могилою Рябою, || Над рекою Прутовою») передает ощущение дальности похода. Третья строка как бы оттеняет значение двух предшествующих, называет цель движения войск — бой с противником. Строка четвертая и пятая дают накопление временных определений («В день недельный от полудни || Стался час нам вельми трудный»), говорят о томительном ожидании этой встречи. Ближним к хорее размером написано и стихотворение Феофана «Запорожец кающийся».

В прозаических произведениях и драматургии петровской эпохи батальная тема характеризовалась теми же поэтическими приемами, какие мы встречали при рассмотрении реляций, церковных проповедей, кантов.²⁰ Наши представления о литературе этого периода были бы неполными, если бы мы не коснулись произведений, которые выразили негативное отношение к военным

¹⁹ См.: История русской литературы в трех томах, т. I. М.—Л., 1958, стр. 395—397.

²⁰ См.: Русские повести первой трети XVIII в. Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1965.

реформам начала XVIII в. и личности Петра I. Время, в которое развертывалась деятельность Петра I, было сложным и противоречивым; при вступлении молодого царя на престол подневольные люди — крепостные и стрельцы — ждали облегчения жизни, но вместо этого гнет и эксплуатация стали еще более тяжелыми. С неслыханной свирепостью подавлялось всякое недовольство.

С самого учреждения новой армии положение солдат было тяжелым. Они страдали не только от обычных трудностей военной жизни, но от жестокости начальников и бесправия, от суровых наказаний. Часто солдатам не выдавали положенного обмундирования и продовольствия. В 1697 г. в Преображенском приказе разбиралось дело новоприборного солдата Якова Григорьева, который хотел составить и поднести царевне Софье челобитную, где просил помочь солдатам получить у начальства положенные им сухари. Якова Григорьева приговорили к тяжелому наказанию: «У плахи сказать ему смертную казнь и положить на плаху и, сняв с плахи урезав ему язык», сослать в Сибирь.²¹ Недовольные своим тяжелым положением, солдаты полков Севского разряда в 1698 г. говорили о том, что им следует поддержать восставших стрельцов. Солдат полка Гордона Рыбенков осенью этого же года был привлечен к суду за неодобрительные разговоры о царе. Рыбенка били кнутом и сослали с женой и детьми «на вечное житье» в Сибирь.²²

Свирепые наказания за инакомыслие делали людей особенно осторожными. И все же народ находил способы выразить свои чувства: в рукописных апокалипсисах изображению антихриста придавали портретное сходство с Петром,²³ широко известна лубочная картина «Мыши kota погребают», представляющая собой пародию на похороны Петра и триумфальные шествия, которыми отмечались многие важные государственные события и праздники. Лубочная картинка «Бык не захотел быть быком» изображала быка, который сделался мясником, убил настоящего мясника, отрубил руки, «повесил его вниз головой и стал таскать кишки с потрохами». Голова повешенного имела разительное сходство с головою Петра I.²⁴ В среде старообрядцев упорно распространялась мысль о том, что Петр I не настоящий царь, а подмененный немцами антихрист, чуждый русскому народу. В солдатской

²¹ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I по материалам Преображенского приказа. М., 1957, стр. 153.

²² Там же, стр. 201.

²³ Напомним, что учение о конце мира и воцарении антихриста — Петра I развивал книгописец Григорий Талицкий в сочинениях «О счислении лет», «Врата» и «О падении Вавилона», призывавших к свержению Петра I. Талицкий и его единомышленники были приговорены к смерти.

²⁴ См.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I. — СОРЯС, т. XXIII, СПб., 1881, стр. 412—413; С. Ф. Елеонский. Из истории массовой литературы XVIII в. — ИЮЛЯ, 1955, № 5, стр. 452.

песне «Горы Воробьевские» выражалось недовольство немцами-командирами, которые притесняли русских солдат. Борьба с засилием немцев-офицеров станет одним из распространенных мотивов демократической литературы на протяжении всего столетия. Легенде о «подменном царе» отчасти способствовало «переодевание» Петра I, который во время важных для жизни армии и государства событий выступал под именем иноземца Питера, или урядника Петра Михайлова, или корабельного плотника Петра Алексеева, бомбардира или шкипера, а вместо себя ставил кого-нибудь из близкого окружения: Никиту Зотова, Федора Ромодановского, Лефорта. В раскольничьей легенде Петр I признается: «Не любит меня народ православный, имя мое клянет, антихристом называет».²⁵ Антихристом и погубителем праведных людей называет Петра и встретившийся ему в лесу некий старец. По этой легенде, истинный Петр заблудился в лесу и был погребен, а на место его бояре избрали царем Лефортова родича, ставленника боярина Стрешнева, который с еще большей свирепостью расправлялся с русскими людьми: «И в срубах пожигали, и в воде потопляли, на плахах обезглавливали и вообще всяческое мученье усугубляли».²⁶ В этой легенде как положительный герой показан простой русский солдат. Узнав о воскресении истинного Петра, родственник Лефорта решил уничтожить царя, приказал войску окружить лес, где скрывался Петр, но солдаты отказались выполнить это приказание. Многие из них за это были расстреляны. Один молодой солдат, посланный Лефортом по жребию в лес, признал истинного царя и был вместе с ним схвачен и казнен. Ему отрубили голову, но тут произошло чудо: голова казненного подкатилась к Петру, попросила у него прощения и благословения.

Народ осудил царя и за расстрел стрельцов под Воскресенским монастырем.²⁷ Стрельцы были наиболее активной политической силой общества. Не всегда стрельцов представляли в памятниках литературы врагами Петра I. В легенде о пленении царя в «Стекольном царстве» описывается, как царя ставили на горячую сковороду и томили в темнице, как по возвращении в Москву

²⁵ П. П. Баснин. Раскольничьи легенды о Петре Великом. Сказание о царе Петре истинном и царе Петре ложном. — Исторический вестник, 1903, май, стр. 518.

²⁶ Там же, стр. 526.

²⁷ Намеки на это событие содержатся, например, в духовной песне:

Идет туча стороною	А я бог за вас горою
Не ходите бороною	А мне богу все известно
Не вдавайтесь в тоску,	И в аде сте будет место
Становитесь на доску	Ад есть будет второй Питер,
Не пушу вас бог в Москву:	Катать будет в нем Искупитель...
Хоть стреляет враг стрелою,	

(ГИМ, ф. 440, оп. 281, ед. хр. 1225, стр. 9—10).

бояре решили его извести: изготовили бочку с гвоздями и хотели положить в нее Петра. Злодейское преступление сорвал простой стрелец: он предупредил Петра об опасности, лег на его место в постель и, принятый за царя, был брошен в море. Женщина, рассказывавшая эту легенду, по приговору Ф. Ю. Ромодановского вместе с мужем была бита кнутом и сослана в Сибирь.²⁸

Представление о Петре I как о мнимом царе распространилось и за рубежом. В румынской легенде рассказано, что Петр I терзался угрызениями из-за того, что лишил престола своего брата Ивана, стал причиной смерти Софьи, убил сына Алексея. Согласно этой легенде Петр I тайно оставил престол и под именем Паисия принял в Молдавии в Ненецком монастыре монашество. И все же особенно резко народ осуждал врагов Петра I. Известны произведения народной поэзии, резко бичующие Мазепу, высмеивающие шведского короля Карла XII.²⁹ Рамки этой статьи не позволяют остановиться на них подробнее.

Напомним, что отрицательные стороны реформ были подмечены и известным публицистом петровской эпохи И. Т. Посошковым в книге «О скудости и богатстве» (1724). Несмотря на то что сочинение это было опубликовано только через сто лет после смерти автора, книга имеет большое значение для изучения литературы России начала XVIII в. Будучи сторонником петровских реформ, Посошков выступал против притеснения податного населения. Не без иронии отмечал Посошков свое бесправное положение: «... только что о обидах своих жалуйся на служивый чин богу». Эта «жалоба» угнетенных людей богу как литературный жанр получит особенно широкое распространение в солдатской среде в более позднее время.³⁰ Посошков с горечью писал о том,

²⁸ Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I..., стр. 217—218.

²⁹ А. И. Яцимирский. Румынские рассказы и легенды о Петре Великом. — Исторический вестник, 1903, май, стр. 558. Приведем отрывок из рукописного сборника XVIII в.:

Кто слышал у нас таковыя славы
Что поднимался король шведский даже до поставы
Призывает он к себе Мазепу на подпору
Как бы вырыть под царем на погибель нору
Веселятся и пляшут чая победили
И не справившись с удачей все распорядили
Король шведкой говорит когда я буду паном
То устрою и Мазепу коронным гетманом
А Мазепа возносился выше своей меры
Был предатель государев, был предатель веры
Но что вышло из их не попали и в отчину
Потерявши цело войско утекли в немчизну
Виват белый царь и разумом воин богатый
Виват храбры генералы, виват и солдаты.

(ГИМ, ф. 48 (Рогожина), арх. 481, № 47051, А7357, стр. 45).

³⁰ См.: «Челобитная к богу крымских солдат» и другие произведения.

что находящиеся на государственной службе солдаты голодали и не получали жалования. Он ошибочно думал, что Петр I не знал о бедственном положении армии: «...о такой скудости чаю, что никто великому государю не донесет, но чаю доносят будто все сыты и всем довольны». Автор книги «О скудости и богатстве» справедливо полагал, что если бы солдаты были обеспечены пищей и одеждой, то и служба шла бы у них «споряе». «А егда голоден и холоден, и ходит скорчась, то какой он воин, что служа воет?»; «Голодный идучи и за солому защемляется». Посошков обрушивался на тех дворян, которые под всякими предлогами старались избежать военной службы. Государственные дела пошли бы значительно лучше, если бы у Петра I было больше единомышленников, особенно среди дворян. Нужно, чтобы закон был одинаков для солдата и офицера. Это требование строгого и одинакового исполнения законов всеми гражданами станет одним из главнейших у Н. И. Новикова и других передовых писателей XVIII в.

Умудренный богатым опытом, Посошков давал много ценных практических рекомендаций, и в частности в военном деле. В записке «О ратном поведении» (1701) Посошков писал: «Много немцы умнее нас науками, а наши острою, но благодати божией, не хуже их». Он рекомендовал держать армию всегда боеготовой: чтобы оружие было наточенным, порох сухим, а бомбы готовыми разорваться. Он высмеял тех, кто по старине военные неудачи объяснял божьей волей. Любопытно это совпадение взглядов грамотного крестьянина со взглядами Петра I. Посошков писал: «...без воли божьей и маленькой птички убить никому невозможно», однако «надобно человеку... к ратоборству готову быть, и убор ополчительный всегда добрый иметь. Если же мы обороны себе не умеем держать, то нечего нам на бога и пенять». Свои мысли Посошков подкреплял примером из жизни. Книга написана живым разговорным языком, с использованием пословиц и поговорок, некоторые отрывки — рифмованной прозой на манер той, которую использовали в надписях под лубочными картинками и в народном театре.³¹

В петровское время русское государство нуждалось в многочисленных офицерах, солдатах, матросах, инженерах, техниках. В этих людях нужно было воспитать чувство преданности тому

³¹ Перечисляя требования, которым должна удовлетворять армия, Посошков писал: «И солдаты б были смелье, из ружья стрелять умелье»; о коннице: «в начале у них клячи худыя, сабли тупые, сами нужны и безодежны»; о дворянах, избегающих военной службы: «попеченья о том не имеют, чтоб неприятеля убить, о том лишь печется, как бы домой быть», «Лучши им дома сидеть, а то ничего и славы чинить, что на службу ходить». Подписано «донесение» Ф. А. Головину: «Писавший Ивашка Посошков, главу свою под ноги твоя подносит. И о всех прогрешениях незданных и сумнительных просит. И желает под кровом твоим благоприкровенно жити. И за то верне всеми людьми достойно те блажити».

делу, к которому они были призваны. Изданные в петровское время книги не только учили математике или фортификации, но открывали перед читателем дверь в новый мир, объективно воздействовали на мировоззрение, внушали идеи защиты государства. Передовые писатели не упускали случая использовать для этого все возможности. Так, переписанная в 1691 г. «Книга, глаголемая арифметика» содержит стихотворное обращение к читателю и предисловие, в котором рассказывалось о пользе наук.³² Подобные стихи приложены и к «Арифметике» Леонтия Магницкого (1708). В «Предисловии к доброхотному читателю» к «Уставу морскому» Феофан Прокопович доказывал, что политика, проводимая Петром I, являлась продолжением политики первых киевских князей, заботившихся о могуществе России.

В литературе петровской эпохи имели место качественно новые явления. Большое значение приобрела общественно-политическая публицистика, призванная воспитывать в гражданах патриотические чувства, готовность до конца бороться с врагами государства. Мы видим, что идейно-воспитательную роль выполняли царские указы, манифесты, реляции, заметки в газете, в календаре, воинский и морской уставы. Появилось новое понимание государственного служения: главное заключалось не в жизни частного человека и даже не в жизни и благополучии царя, а в сохранении и процветании отечества.³³ Был создан идеал гражданских доблестей, который вдохновлял не только поэтов XVIII в. до Радищева включительно, но и поэтов-декабристов. Петровские реляции заменили отсутствовавший в литературе жанр художественного очерка и в какой-то мере как бы подготовили его появление. Военная тема способствовала обогащению литературы описанием достоверных фактов действительности и сыграла, таким образом, заметную роль в становлении новых прозаических жанров.

³² См.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 266—267.

³³ Напомним слова Петра I, сказанные царевичу Алексею: «Я за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть»; обращение Петра I к войнам перед Полтавской битвой: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, была бы жива Россия».